

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-4-24-47

О ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА И ПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ТРАНСЛАТОЛОГИИ

Эдуард Николаевич Мишкуров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: e.mishkurov@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой информативно-описательный обзор взаимосвязи современной американской и западноевропейской философии с лингвистикой и с теорией и методологией перевода в синхронно-диахронном ракурсе. Данной проблематике посвящено множество трудов в зарубежной философии, которые до настоящего времени не являются собой основополагающий базис для монографического осмысления взаимосвязи философской методологии с лингвистическими и переводоведческими проблемами. В настоящей работе проанализировано сопряжение современной философской мысли со спорными проблемами «чистого языка» и «чистого смысла» и апорией «переводимости — непереводимости». Установлено, что концепция В. Беньямина о связи перевода с праязыком «не находит для себя никакой пользы в практике перевода» (П. Рикёр), но пользуется большой популярностью у теоретиков философии и некоторых специалистов в области искусственного интеллекта. Отмечается существенный разброс противоречивых мнений о значимости категории «непереводимость» в рамках логико-философских концепций — от полного отрицания её релевантности до признания её экзистенциальной этико-переводческой ценности (Л. Форан). Авторские разыскания показали, что если лингвистический фактор в переводе нашёл своё воплощение в научно-теоретическом и практическом планах, то философская мысль всё ещё в полной мере не освоила творческое лингвопереводческое пространство.

Ключевые слова: англосаксонская и континентальная западноевропейская философия; философия языка и перевода; «чистый смысл»; «чистый язык»; апория «переводимости — непереводимости»; этика перевода

© Мишкуров Э.Н., 2025

Для цитирования: Мишкuroв Э.Н. О философии языка и перевода в современной зарубежной транслатологии // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 4. С. 24–47. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-4-24-47

Статья поступила в редакцию 04.11.2025;
одобрена после рецензирования 10.11.2025;
принята к публикации 15.11.2025.

ON PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND TRANSLATION IN CONTEMPORARY FOREIGN TRANSLATION STUDIES

Eduard N. Mishkurov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: e.mishkurov@mail.ru

Abstract. The paper deals with the informative and descriptive overview of the relationship between contemporary American and Western European philosophy, linguistics and translation theory and methodology from a synchronic-diachronic perspective. Numerous works in foreign philosophy have been devoted to this topic, but nowadays they have not provided a foundational basis for a monographic understanding of the relationship between philosophical methodology and linguistic and translation studies issues. This paper analyses the intersection of contemporary philosophical thought with the controversial issues of “pure language” and “pure meaning” and the aporia of “translatability/untranslatability.” It is established that Benjamin’s concept of the connection between translation and the parent language “has no practical application in translation practice” (P. Ricoeur), but enjoys widespread popularity among philosophical theorists and some specialists in the sphere of artificial intelligence. A significant range of conflicting opinions regarding the significance of the category of “untranslatability” within logical-philosophical concepts is noted — from a complete denial of its relevance to the recognition of its existential ethical-translation value (L. Foran). The author’s research has shown that while the linguistic factor in translation has found its embodiment in scientific, theoretical and practical terms, philosophical thought has not fully mastered the creative space of linguistic-translation yet.

Keywords: Anglo-Saxon and continental Western European philosophy; philosophy of language and translation; “pure meaning”; “pure language”; the aporia of “translatability — untranslatability”; ethics of translation

For citation: *Mishkurov E.N. (2025) On Philosophy of Language and Translation in Contemporary Foreign Translation Studies. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 24–47. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-4-24-47*

The article was received on November 04, 2025;
approved for reviewing on November 10, 2025;
accepted for publication on November 15, 2025.

Введение

Известно, что в классической философии язык и перевод теоретически — как собственно философские проблемы — не рассматривались. «Классическая философия, — пишет В.И. Медведев, — вообще относилась к языку несколько свысока. Её интересовало мышление как таковое, а язык рассматривался при этом как средство внешнего выражения мышления, как его «попослушное орудие» (Медведев, 2018: 59). Так даже, к примеру, в современной работе Дэвида Уэста «Континентальная философия» проблемы языка упоминаются весьма лапидарно и исключительно в рамках собственно философской проблематики, не обращая ни к его системно-структурной организации, ни к проблемам его функционирования и т.д. Терминопонятие «перевод», начиная от анализа трансцендентальной философии И. Канта и до постмодернизма включительно, не упоминается ни разу (Уэст, 2015). Философы долгое время пессимистично относились к трансцендентальным возможностям перевода. Х.-Г. Гадамер утверждал, что «на базе переводов просто невозможен философский обмен мнениями» (Кузнецов, 2007: 104–105).

Между тем, Хайдеггер полагал, что «суть перевода не в том, чтобы *облегчать коммуникацию* с говорящими на другом языке, а в том, чтобы помочь в решении насущного для всех вопроса. Он служит *взаимопониманию* в некотором более высоком смысле; и каждый шаг в этом направлении — благословение для народов»¹ (Heidegger, 1988: 8).

Только в настоящее время философы, несколько «поисписавшись» в рамках своей исконной проблематики, включили в лоно своих научных разысканий «философские проблемы перевода».

¹ Перевод О.И. Костиковой (см.: Костикова О.И. Аксиология перевода в гуманитарной перспективе // Вестник Моск. ун-та. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 4. С. 35).

1. Язык как сущностная философская ипостась

«Философия языка» как *терминопонятие* вошло в современный тезаурус философии в более или менее разработанном виде в первой четверти XX в. Его авторами в первую очередь считаются зарубежные и отечественные учёные: А. Marty (1910), К. Vossler (1925), О. Funke (1928), М.М. Бахтин и В.Н. Волошинов (1929), П.И. Житецкий (1990) и др.

Его рабочее содержание формулируется следующим образом: «Философия языка» — это исследовательская область философии, в которой анализируется взаимосвязь мышления и языка, выявляется конституирующая роль языка, слова и речи в различных формах дискурса, в познании и в структурах сознания и знания.

Один из крупнейших представителей данного течения Ж. Лиотар принципиально рассматривал собственно философскую проблематику через призму лингвистики и языка, языковых игр и дискурсов. Он писал, что «философия является идеальным прототипом теоретического дискурса» и что «она является неповторимой практикой дискурса, понимаемой как опыт языка, который находится в постоянном поиске самого себя, в поиске трансцендентных условий и возможностей смысла» (Лиотар, эл. ресурс).

И вот уже Х.-Г. Гадамер констатирует: “Sein, das verstanden werden kann, ist Sprache” (Бытие, которое можно понять, — это язык), что означает: «Мы должны стараться понять всё, что можно понять» и далее: «Сегодня наука и присущий человеку опыт о мире встречаются при решении философской проблемы языка» (Гадамер, 1988: 31).

Особое направление в философии представляет собой соотношение философии и языка поэзии. Так, Мартин Хайдеггер считал, что «только мыслящие и поэтизирующие являются хранителями языка, в котором звучит бытие. Поэтому человек должен жить поэтически на этой земле», а, к сожалению, «основное состояние современного человека, заброшенного в этот мир, покорённый техникой, превращённый в склад полезных ископаемых и хранилище энергии, мир, в котором господствует язык публичности (язык рекламы, пропаганды и научно-популярной информации)», — это состояние бездомности, которое весьма приблизительно Г.В.Ф. Гегель и К. Маркс пытались выразить через категорию *отчуждения* (Философия..., 2006: 950).

Идея о связи философии с поэтическим языком поддерживалась и воодушевляла и ряд других философов, в числе которых

был Х.-Г. Гадамер, усмотревший также в этой связи насущную проблему **анории «переводимости — неперево́димости»**: «Создаётся впечатление, что близость поэзии и философии, заключающаяся, в общем для них отстоянии от практического и основанного на научном опыте словоупотребления, в конце концов, исчезает, растворяясь в невыразимости замкнутого на себя слова. <...> Так, «Лирическое стихотворение является предельным случаем потому, что в нём, вне всякого сомнения, в наиболее чистом виде воплощена неотделимость произведения искусства от оригинальности его языкового выражения, что доказывается неперево́димостью лирического стихотворения на другие языки». Далее, обращаясь к проблемам «*poesie pure*», в том виде как она была развита в программных работах Стефана Малларме, Гадамер вскользь затрагивает проблему её переводимости, констатируя, что «уже сам вопрос о её переводимости — какой бы отрицательный ответ мы на него ни давали, свидетельствует о том, что даже в таком крайнем случае как лирическая поэзия, при чрезвычайно возрастающей музыкальности поэтического слова дело, по сути, заключается в музыкальности языка. Поэтическая конструкция строится как постоянно обыгрываемое равновесие звучания и смысла» (Гадамер, эл. ресурс).

Позже Н.С. Автономова на основе анализа поэтико-языковой апологетики уже Хайдеггера напишет, что: «поэзия может быть способом философствования; это утверждение о поэтическом бытии философии стало расхожим, хотя и спорным, общим местом». И далее читаем: «Однако поэтические опыты Хайдеггера подчас действительно выглядят как сочный материал для филологической критики» (Автономова, 2008: 476, 478).

Но следует заметить, что ранее теология, а в настоящее время социология, культурология, политология, дипломатия, художественное творчество и другие социально-гуманитарные дисциплины уже давно опередили философию в исследовании языка. А перевод стал мощным орудием в руках власти! Но лучше позже, чем никогда!

Ныне философы, что называется, на голубом глазу (а философски — на «чистом глазу») стали активно заниматься проблемами перевода и переводоведения на своей теоретико-методологической базе. Но они всё ещё в начале пути — в специальных энциклопедиях и справочниках нет статей под названием типа «Философия перевода». Но всех обогнала Большая советская энциклопедия, в которой помещена обширная статья П.М. Топера

«Перевод художественный», а также статья «Переводчик судебный» и пр., которые включают в себя элементы специально-профессиональной и философско-переводческой проблематики (БСЭ, т. 19, 1975: 369–370 и др.).

Парадокс современной философии перевода заключается в том, что переводоведы и переводчики в своём большинстве не являются философами, и наоборот — большинство философов не являются профессиональными переводчиками и переводоведами. Тем более важно отметить, что в ряду компетентных личностей обнаруживаем филологов-переводоведов, профессионально овладевших основами собственно философско-переводческой проблематики. И наоборот — профессиональные философы стали признанными мастерами перевода и специалистами в области переводоведения.

Так, например, на немецкий язык перевели: Ф. Шлейермахер — труды Платона, ярко продемонстрировав свой переводческий дар. В. Гумбольдт — трагедию Эсхила «Агамемнон» и ряд других поэтических текстов из трудов Пиндара и Эсхила. Немецко-американский философ Вальтер Кауфман известен своими переводами на английский язык трудов Ницше и Гегеля, а сам Фридрих Ницше переводил с древнегреческого и латыни «Илиаду» Гомера. В. Беньямин систематически осуществлял переводы с французского языка на немецкий различных типов текстов, например работы М. Пруста «Содом и Гоморра» и Ш. Бодлера, снабдив перевод «Парижских картин» последнего знаменитым этюдом «Задача переводчика». Он также осуществил автоперевод романа «У герменевтов» и перевёл поэзию С.-Ж. Перса с французского на немецкий язык. М. Хайдеггер известен своими переводами греческих и латинских текстов. Французские философы Ж. Деррида и П. Рикёр выступали в качестве переводчиков и критиков различных трудов Э. Гуссерля и т.д. Фактически все крупные учёные-гуманитарии, как правило, переводили труды философов.

Тем не менее, длительное время научное отношение философов к проблемам перевода было довольно иронично. Так, в частности, М. Хайдеггер в ответ на просьбу изложить своё учение кратко для французской аудитории ответил, что его учение нельзя изложить кратко, и тем более, на французском языке². Так же, знакомясь с

² Как ни странно, даже испанский философ Ортега-и-Гассет сетовал на переводческий потенциал французского языка: «Хорошим примером служат переводы моих книг *на немецкий*. Это было бы непостижимо, если бы на четыре пятых не объяснялось удачным переводом. Моя переводчица до предела использовала

рядом переводов философских трактатов — как своих, так и принадлежащих перу других выдающихся учёных — в сердцах изрёк: «Скажи мне, что ты думаешь о переводе, и я скажу, кто ты такой!» (см. подробнее: Мишкурин, Новикова, 2024: 110).

В целом, достоверно известно, что взаимоотношения представителей различных западноевропейских философских школ были, мягко говоря, малокомплиментарными и откровенно ревнивыми. Н.С. Автономова, которая длительное время провела во Франции, трудясь над русско-французскими философскими переводами, обратила внимание на тот факт, что «традиции прочтения того или иного философского явления за рамками региона распространения того или иного «оригинального языка» оказываются трудными для тех, кто на этом языке говорит и думает: так, в Германии скептически встречают французские прочтения Хайдеггера, а на французские прочтения Витгенштейна германоязычные или англоязычные специалисты вообще не обращают внимания, будто их не существует» (Автономова, 2011: 325).

2. «Лингвистический поворот» в философии

Важной вехой в развитии философско-языковой деятельности стал, по определению австрийского философа Густава Бергмана, «*лингвистический поворот*», который, в свою очередь, способствовал повышению интереса к философско-переводческой проблематике.

«Лингвистический поворот», несомненно, сыграл важную роль в «философизации» определённой тематики науки о языке. В частности, углублённой проработке подверглись такие проблемы, как сущность, роль и место концептов «текст» и «дискурс» и их категорий в современной научной парадигме, а также особенности функционирования естественного (*обыденного*) языка и его манифестации в виде научного, философского, поэтического и религиозного «подъязыков». В свою очередь философия существенно обогатилась лингвистическими подходами к трактовке системно-структурной организации языка, явленностью последнего как «образцовой» знаковой системы, учением о «духе» языка и его этнопсихолингвистических эпистемах и т.д.

грамматическую терпимость немецкого языка, чтобы точно передать то, что не является немецким в моей манере говорить. Таким образом, читатель без усилий воспроизводит испанский ход мысли <...> но это очень трудно сделать на французском ... из всех европейских языков французский менее всего благоприятствует переводу» (Ортега-и-Гассет, 1930: эл. ресурс).

Значительный вклад в описание и популяризацию теории и практики «лингвистического поворота» внёс американский философ Ричард Рорти. Он популяризировал это терминопонятие и основные идеи данного философского направления в русле аналитической философии, подчеркнув, что знание является внутренним и лингвистическим делом, а истины создаются людьми в процессе использования языка. Он переосмыслил роль языка и сделал его центральным предметом философского анализа (см.: Rorty, 1970).

Несмотря на сложившуюся вражду между классической философией логического анализа и лингвистической философией, последняя стала активно развиваться под влиянием идей «позднего» Витгенштейна. Рорти, тем не менее, позитивно воспринял его труды, в которых, как известно, разрабатывалась концепция **обыденного языка и социальных игр**. В границах теории «языковых игр» Витгенштейна значение слова оказывалось связанным с его употреблением в языке. Концептуально данная теория базируется на понятии феномена «языковая игра», тесно увязанном с искомыми **формами речевой деятельности и соответствующими «формами жизни»**. Последние воплощают её социокультурный статус и отражают «факт взаимопереплетения лингвистической и нелингвистической активности людей» (Философия. Энци. словарь, 2006: 938). «Языковые игры» (*нем.* Sprachspiele, *англ.* переводное — Language games) в трактовке философа — «это живые мыслительные речевые акты, вплетённые в сложную ткань многообразных форм человеческой деятельности» Homo Ludens («человека играющего») в различных его ипостасях — смеющегося, бранящегося, молящегося и т.д., а также **«переводящего с одного языка на другой»**.

Языковые игры (ЯИ) — это либо «словесная художественная живопись», либо «хитрое словесное лукавство», либо «словесное хулиганство» и т.д., широко применяемые в текстах различных функционально-стилистических жанров. Главная цель игры заключается в том, чтобы, как мы бы сказали, «завлечь — привлечь — отвлечь — уморить — охмурить» или «осадить — осудить — заклеить — пригвоздить адресата» и т.п. К «высоким целям» ЯИ, по Витгенштейну, относятся такие задачи, как то: «отдавать приказы и подчиняться; сообщать о событиях / обсуждать события; выдвигать и проверять гипотезу <...> спрашивать, благодарить, приветствовать, молить», а также **«переводить с одного языка на другой»** разнообразные тексты, отвечающие разнообразным задачам и интересам реципиента (Wittgenstein, 2009; Витгенштейн, 2011: 30–31).

Таким образом, Рорти считает, что современный вариант прагматизма должен принять в качестве надёжной перспективы именно ту, которая задана философией *обыденного языка* Витгенштейна и сформулирована на страницах «Философских исследований» на уровне «языковых игр».

Витгенштейнианские идеи, получившие изначально в построениях Рорти серьёзную подпитку тезисами прагматизма, требовали осмысления влияния личностного фактора в контексте практики коммуникации в диахронно-синхронном измерении.

Утверждение Витгенштейном «картинности» языкового видения мира, складывающейся в контексте многообразия «языковых игр», стало прологом философских построений выдающихся американских учёных, исследовавших проблемы философии языка и перевода У. Куайна и Д. Дэвидсона. Известно, что оба философа постулировали отсутствие единственно правильного перевода с одного языка на другой, поскольку значения слов и выражений в рабочей паре языков не имеют фиксированных переводческих эквивалентов.

При этом Куайн считал, что перевод является неточным и неполным, поскольку значения слов и предложений не могут быть полностью переведены с одного языка на другой. Эта идея вытекала из понимания сущности языка как комплекса предрасположенностей к непредсказуемому социально обусловленному речевому поведению коммуникантов. Из этой концепции он выдвигал соответственно тезис о *неопределённости перевода*: «... любой перевод является радикально неопределённым. Могут существовать два разных, но одинаково верных перевода с одного языка на другой, которые при этом противоречат друг другу, и нет механизма, способного помочь предпочесть один из них» (Куайн, 2000: 5).

Д. Дэвидсон однако придерживался другого мнения и предложил свою собственную теорию перевода, которая, в отличие от Куайна, фокусируется на «принципе благожелательности». Его суть заключается в том, что переводчик должен предполагать, что говорящий хочет выразить истинные и разумные утверждения, чтобы достичь максимально возможного понимания. Дэвидсон считал, что *перевод всё же возможен*, хотя и не является точным. Он утверждал, что «принцип благожелательности» позволяет преодолеть неопределённость перевода (Дэвидсон, 1986).

Рассмотрев в общих чертах концепции англосаксонских учёных, касающихся философских проблем языка и перевода, более подробно остановимся на нижеследующих проблемах:

- понятие «чистого смысла» и его перевод на «чистый язык»: философские аспекты;
- философский абрис апории «переводимость — неперево-
димость».

3. О «чистом языке» и «чистом смысле» в переводе

Людвиг Витгенштейн утверждал, что «Границы моего языка означают границы моего мира. Человек обладает способностью строить язык, в котором можно выразить любой *смысл*, не имея представления о том, что означает каждое слово» (Витгенштейн, 2018).

В философско-переводческом ракурсе всех учёных, занимавшихся и занимающихся соответствующими проблемами, можно условно разделить на две группы: в первую группу поместим философов, оставивших специальные научные работы о переводе и активно занимавшихся практической переводческой работой (В. Беньямин, Ж. Деррида, П. Рикёр и др.). Ко второй группе отнесём философов, которые «попутно» касались философско-лингвистической и переводческой проблематики и не оставили специальных трудов в этой области.

Если бы Деррида не прочитал примерно через полвека пресловутую статью Вальтера Беньямина «Задача переводчика» (“Die Aufgabe des Übersetzers”), написанную последним в 1923 г. в качестве предисловия к своему переводу на немецкий язык стихов Ш. Бодлера «Парижские картины» из цикла «Цветы зла», то, скорее всего, она перешла бы незамеченной в архив автора. Но судьба распорядилась иначе — данное эссе стало широко популярно в деконструктивистских и постмодернистских спекулятивных конструкциях в западноевропейской философии!

В. Беньямин — это немецкий философ, культуролог, литературный критик и переводчик, описывающий перевод иностранного текста как «послежитие» (“berleben” в терминологии Ж. Деррида). Он считает, что при переводе не только передаются сообщения, но и воссоздаются ценности оригинального текста, а перевод в конечном счёте передаёт философскую концепцию **«чистого языка»**, создавая ощущение того, что «взаимоисключающие различия между языками сосуществуют с дополнительными коммуникативными функциями». В его работе статус перевода определяется как автономный, независимый от оригинала текста.

В. Беньямин, позаимствовав у Шлейермахера (при этом нигде, к великому изумлению переводчика его работы Е. Павлова, не упоминая об этом) идеи «возвышенного отношения к оригиналу»,

максимального приближения «читателя к писателю» и др., пишет: «Ещё одна отличительная черта плохих переводов: её можно определить как неточную передачу несущественного содержания. От неё не избавиться, куда перевод выражает свою готовность служить читателю. Однако если бы перевод предназначался читателю, то же самое было бы справедливо и в отношении оригинала. Если же оригинал существует не ради читателя, то как в таком случае следует понимать перевод?» (Павлов, 2012: 8; Беньямин, 1923: 1).

Его работа заинтересовала современных философов рядом интересных для перевода идей, носящих противоречивый характер и не образующих цельное, системно-структурное образование — модель, комплексно отражающую стратегию и тактику переводческого процесса. Принципы перевода Беньямина позволяют, считают они, положить их в основание минимум двух умозрительных моделей — «дословно-формалистической» (пригодной, например, для перевода Священного Писания) и «интерпретационно-смысловой / миметический» (пригодной для перевода философских текстов).

В этой связи обратимся к относительно новым материалам международного научного симпозиума, состоявшегося в Москве в 2008 г. (см.: «Шарль Бодлер & Вальтер Беньямин: Политика и поэтика»). Особое внимание было уделено проблемам «чистого языка» и «чистого смысла», в частности, в этюде В. Беньямина «Задача переводчика», который ныне считается, по выражению С.Л. Фокина, «*классическим текстом современной философии перевода*» (Бодлер..., 2015: 5).

Известно, что Беньямин категорически утверждает, что «всякий перевод есть приобретение, выигрыш постольку, поскольку он знаменует собой продвижение к *чистому языку* — именно в силу того, что всякий перевод вторичен: в переводе оригинал растёт и возвышается в более *чистой* и более высокой атмосфере речи...» (Кан, 2015: 257)³.

³ Апологетом теории «чистого языка» в трактовке Беньямина является Эрих Прунч — автор знаменитой монографии «Entwicklungslinien Der Translationswissenschaft Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht», который цитирует в своей монографии следующее высказывание философа: «Знакомernessи, залогом которой служит дословность, будет скорее та великая жажда языковой завершенности, которая исходит от произведения. Истинный перевод весь просвечивает, он не скрывает оригинала, не заслоняет ему свет, он позволяет лучам *чистого языка* беспрепятственно освещать оригинал, словно усиливая их своими собственными средствами» (см.: Прунч, 2015: 299).

С. Зенкин в своей статье «Беньямин, Бодлер и мимесис» указывает, что изложенная в эссе «программа перевода, преобразующего свой национальный язык, включает, помимо прочего, идею **буквального подражания**: 'Истинный перевод весь просвечивает, он не скрывает оригинала, не заслоняет ему свет, он позволяет лучам **чистого языка** беспрепятственно освещать оригинал, словно усиливая их своими собственными средствами. Этой способностью обладает прежде всего *дословная, буквальная передача синтаксиса...*'. Далее автор замечает, что «требование буквальной передачи синтаксиса (которое, если его понимать **буквально, ужаснуло бы практических переводчиков**) в конечном счёте имеет своей целью добиться иной буквальности — буквальности абсолютного **«чистого языка»**, который возвышается над различиями реальных языков — «несовершенных, ибо множественных». Именно поэтому, повествует далее автор, «прообразом или идеалом» такой буквальности является **«интерлинеарный» перевод**, под которым понимается перевод как особого рода текстуальный мимесис, т.е. восстановление идеальной сущности переводимого текста, независимой не только от случайных различий между «несовершенными» языками, но даже от конкретного смысла текста. Он непосредственно, без посредничества смысла принадлежит к «дословности истинного языка» (Бодлер..., 2015: 15–19).

Беньямин пытался преодолеть своей трактовкой перевода «тяжеловесное преобладание смысла», которое, по его мнению, «не служит рычагом совершенствования перевода». Его влекут идеи Р. Панновица, почитаемого за призыв к «форенизации» немецкого языка в переводах, к примеру, с хинди, греческого, английского. Он согласен с его мнением о том, что переводчик «обязан расширять и углублять свой язык посредством чужого» и что «при переводе с языка, очень далёкого его собственному, он должен возвращаться к первичным лингвистическим элементам и проникать туда, где слово, образ и звук сливаются воедино. Он обязан расширять и углублять свой язык посредством чужого». Идеал перевода в виде подстрочника он видит только при перевыражении Священного Писания на разные языки, так как, по его убеждению, только в нём «смысл перестаёт быть водоразделом потоков языка и откровения». Он мистически верит, что «от перевода требуется настолько безграничное доверие к этому тексту, что совершенно так же, как язык сливается с откровением в оригинале, дословность и свобода перевода должны без всяких усилий соединиться в форме подстрочника. Ибо в какой-то степени все великие тексты — а превыше всех

священные — содержат между строк свой потенциальный перевод. Подстрочник Священного Писания есть прообраз или идеал любого перевода» (Там же: 7).

Ханна Аренд — немецко-американский философ, ученица Хайдеггера — вольно или невольно «выдала» секрет творчества Беньямина: «Язык для него есть в первую очередь не дар речи, отличающий человека от прочих существ, а это — **язык истины**, который в тишине и спокойствии хранит все высшие тайны, над чьим раскрытием бьётся человеческая мысль, и это именно тот **истинный язык**, который мы невольно подразумеваем, **переводя с одного языка на другой** <...> Основной, решающий для всей его литературной критики подход оставался тем же: исследовать не **полезные или коммуникативные функции «языка»**, а понять высказывание ... как бесцельные и безадресные проявления сущности мира» (Новейший философ. словарь... 2007: 49).

В качестве комментария к вышеприведённому пассажиру предлагаем авторитетное мнение П. Рикёра: «...страстная ностальгия по праязыку не обошла стороной и Вальтера Беньямина, отдавшего свой долг этой теме в работе “Задача переводчика”, где “совершенный язык”, “чистый язык” ... видится как мессианская перспектива в области перевода, и в ней тайно сольются все идиомы, вознесённые к вершине поэтического творения. К сожалению, **практика перевода не находит для себя никакой пользы** в этой ностальгии, питающейся эсхатологическими ожиданиями. По-видимому, уместнее было бы сразу же поставить крест на мечтах о совершенстве и взяться за “задачу переводчика” с трезвостью и холодным расчётом» (Рикёр, 1998: 4).

В мире современных сенсаций в области «беньяминоведения» новостью в июле 2025 г. стало известие о попытке учёных Дже Хен Ли и Кье Сон Ли из Сеульского национального университета осуществить нейронный машинный перевод «Задачи переводчика» с целью обнаружения искомого Беньямином «чистого языка»: «This examines Google Neural Machine Translation (GNMT) as both a technological milestone and a philosophical echo of Walter Benjamin’s concept of “pure language.” By tracing GNMT’s architecture, its emergence of a shared interlingua, and its resonance with Benjamin’s ideas on translation and linguistic kinship, we explore how machine translation embodies long-standing ambitions to abstract and universalise meaning across languages <...> GNMT’s interlingua and Benjamin’s “pure language” should be viewed as ‘relational representations’ between languages. Put differently, what GNMT has discovered is a ‘virtual network’ akin to Ben-

jamin's "pure language." Such virtual networks are actualised as concrete language through the act of translation».

Очевидно, что южнокорейские специалисты рассматривают **нейронный машинный перевод Google (GNMT)** как технологическое достижение и философский отголосок концепции «чистого языка» В. Беньямина. Они исследуют, как машинный перевод воплощает давние амбиции по абстрагированию и универсализации значений в разных языках. Результат работы показал, что интерлингва GNMT и «чистый язык» Беньямина следует рассматривать как «реляционные представления» между языками. Иными словами, то, что открыла GNMT, — это «виртуальная сеть», родственная «чистому языку» Беньямина. Такие виртуальные сети актуализируются как конкретный язык посредством перевода (Jae Hyun Lee, 2025: эл. ресурс).

Напрашивается вопрос: в какой степени мы можем опираться на философскую рефлексию Беньямина «чистого языка», а также «чистого смысла» в современной теории и методологии перевода, если философы уже пугают профессиональных переводчиков незначимостью отрыва переводного текста от текста оригинала? Что же нам делать с идеями библейско-философствующего идеалиста о «чистом языке и чистом смысле» применительно к современной теории и практике перевода?

Считается, что «мысли могут возникать у человека сами по себе, вне связи с материей, тогда, когда мы думаем «про себя», не выражая мысли вслух. В действительности же осуществившаяся мысль или составная её часть опирается «на материю» — обычно на язык, на слово или их сочетание. И всякий раз, когда появляется оформившаяся, ясная, осуществлённая мысль, она оказывается связанной с тем или иным словом, сочетанием слов, хотя слова и не были произнесены, а лишь «представлены» ... когда мы думаем про себя, мы используем те или иные представления слова, в частности, рече-двигательные. Человек, в совершенстве владеющий несколькими языками, всегда знает, на каком из известных ему языков он думает» (Палкин, 2023: эл. ресурс).

Юджин Найда в своей статье «Смысл перевода состоит в переводе смысла» считает, что переводчик погружается в текст оригинала в поисках смысла, извлекает его и передаёт на языке перевода — таков традиционный взгляд на перевод. Если же подходить к переводу с межкультурных и социально-ориентированных позиций, следовало бы переформулировать это так: «Смысл перевода состоит в передаче смысла ... по глобальным коммуникационным

сетям <...> Перевод — это синоптическая передача сигнала во всемирном мозге» (Nida, 1985: эл. ресурс).

Практически более ценную точку зрения на сущность «чистого смысла» и соответственно «чистого языка» находим в теоретико-философской и практической трактовке «смысла» в работе профессора Высшей школы перевода итальянского Триестинского университета Маргериты Де Микиель: «Когда был Адам и Ева, кто был правый, кто был левый», или ещё раз *sur le son, et sur le sens*, в переводе». Она считает, что «смысл может определяться как инвариант при операциях перевода с одного языка на другой ... Смысл неизбежно связан с понятием понимания. Как справиться тогда с парадоксом, что понимание преобразует смысл, т.е. привносит некоторую новую информацию по сравнению с исходным смыслом, выраженным в тексте, т.е. с тем смыслом, который данный текст имеет для его создателя? **Смысл, в отличие от значения, не существует вне текста или отдельно от текста, что особенно важно в переводоведческой перспективе.** <...> Вопрос о смысле становится вопросом о «тексте», т.е. о философии языка, т.е., в сущности, — о философии перевода. Ещё Шлейермахер, цитирует автор, в 1813 г. писал о том, что, в частности, художественный текст — это «не чистый смысл», это и есть прежде всего язык, на котором он написан». Она так же, как и академик М.Л. Гаспаров, задаётся риторическим вопросом: «Неужели «настоящий смысл — только тот, до которого мы не в силах дотянуться»? (Микиель, 2009: 180–187).

При более глубоком рассмотрении смысл ассоциируется не только с языком и текстом, но также с автором и читателем, в результате чего правильное понимание текста зависит от личности автора, его намерений и культурной среды, в которой он пребывает.

4. Философский абрис апории «переводимость — непереводимость»

По мнению Ю. Найды, «непереводимость» всегда была как философской проблемой, так и проблемой философии. Это одновременно и вопрос, который философия задаёт переводу (каковы пределы перевода), и вопрос, который перевод задаёт философии (в какой степени сама философия поддаётся переводу) (Nida, 2003: 117).

В этой связи напомним о «классической герменевтике» Ф. Шлейермахера, который характеризует перевод как «**философско-герменевтический процесс**», подчёркивая необходимость ин-

дивидуального подхода к текстам разного типа⁴. Рассуждая о теоретически оптимальном переводе, он выдвигает гипотезу о том, что в принципе переводить надо было бы «так, как бы перевёл сам автор, зная язык перевода», или «так, как бы написал сам автор на языке перевода, если бы этот язык был бы для него родным». В настоящее время в западноевропейской переводоведческой литературе эти два метода, как известно, именуются соответственно “alienating” и “naturalizing”, или “foreignization” и “domestication”.

М. Хайдеггер, со своей стороны, обращаясь к «первоначальным опытам языкового мышления», стремится обнаружить и обнажить «первоначальные смыслы бытийствующего слова, смутно просвечивающие для нас через завесу латинских, арабских, современных переводов» (Кузнецов, 2007: 104–105).

Видный испанский философ, эссеист-полиглот, великолепно владевший латинским и древнегреческим языками, Хосе Ортега-и-Гассет подчёркивает исключительную важность переводческой деятельности, в частности, когда речь идёт об усвоении уроков античной мудрости, культуры, эстетики и «приземлённой прагматики» <...> А для этого нужно реабилитировать для чтения всю греко-римскую Античность и проделать гигантскую работу по созданию нового перевода. И если раньше я говорил, что каждое произведение неповторимо, а перевод лишь орудие, приближающее нас к нему, то из этого следует, что один и тот же текст допускает несколько переводов. Невозможно, по крайней мере в большинстве случаев, приблизиться к оригиналу сразу во всех измерениях». В качестве наиболее плодотворного перевода Платона Ортега приводил перевод на немецкий язык, выполненный Шлейермахером, «и именно потому, что он намеренно отказался делать красивый перевод», а превосходно отразил «его содержательную сторону ... приближая читателя к автору» (Ортега-и-Гассет, 2013: 12–13).

Тем не менее, даже современные западноевропейские философы довольно неоднозначно относятся к переводу как таковому и, в частности, к проблеме «переводимости — непереводимости».

Так, Х.-Г. Гадамер весьма недвусмысленно предупреждал о том, что перевод есть «предельный случай, *удваивающий сам герменевтический процесс*», а «ситуация переводчика, по сути дела, совпадает с ситуацией интерпретатора». Особенностью данного вида интерпретирования является то, что текст перевода как результат

⁴ Подробнее о герменевтических проблемах перевода в трудах Ф. Шлейермахера см.: Мишкурлов Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. М.: Флинта, 2020. 300 с.

интерпретации предстаёт перед читателем «в новом свете, в свете другого языка». Этим осложняется проблема верности оригиналу, которая характерна для любого истолкования, «как и всякое исследование, перевод означает переосвещение (Überhellung), попытку представить нечто в новом свете». Философ предупреждает, что «тот, кто переводит, вынужден взять на себя выполнение этой задачи». Но «настоящее бедствие перевода заключается в том», сожалеет Гадамер, что «единство замысла, заключённое в предложении, невозможно передать путём простой замены его членов, соответствующими членами другого языка, и переведённые книги представляют собой обычно настоящие чудища — это набор букв, из которых вынули дух». И далее: «Переведённое предложение, если, конечно, маститый переводчик не преобразил его так, что мы перестаём замечать стоящее за ним живое предложение оригинала, всё равно, что карта в сравнении с ландшафтом». И, наконец, следует сакраментальный приговор Гадамера: «На базе переводов просто невозможен философский обмен мнениями» (Гадамер, 1988: 449; 1991: 59).

В свою очередь П. Рикёр в речи, произнесённой в 1997 году в Немецком институте истории, подчеркнул, что «перевод философских трудов выявляет трудности, в некотором смысле непреодолимые», в частности, «на уровне выделения семантических полей, не полностью совпадающих в разных языках. И наибольшие трудности возникают с основными словами, Grundwörter, которые переводчик порой ошибочно стремится перевести дословно, используя фиксированные эквиваленты из принимающего языка. <...> Парадокс перевода обнажается в случае с *философскими текстами*, оснащёнными строгой семантикой» (Рикёр, 2011: 150).

В этой связи П. Рикёр в своей лекции «Парадигма перевода» предложил *«отбросить теоретическую альтернативу — «переводимость / непереводаемость текста» и заменить её другой, вытекающей из самой практики перевода, т.е. альтернативой «верность / неверность перевода» своему источнику*, что, впрочем, не исключает того, что перевод — это рискованная операция, постоянно нуждающаяся в теоретическом обосновании» (Рикёр, 1998: 2).

Данную концепцию П. Рикёра не разделяет современный философ-переводовед, лектор Дублинского университета (Ирландия) Лиза Форан. В статье «An Ethics of Discomfort: Supplementing Ricoeur on Translation» (2015) (Этика дискомфорта: Дополнение к Рикёру о переводе) она сравнивает взгляды Поля Рикёра и Жака Деррида

на этические аспекты проблемы «переводимости — непереводимости» и приходит к выводу, что идею «гостеприимства» Рикёра желательно дополнить идеей «непереводимого» в концепции Деррида, с тем, чтобы «создать ситуацию постоянного внутреннего дискомфорта у переводчика и тем самым защититься от его этического самодовольства» (Foran, 2015: эл. ресурс).

В другой своей статье «Untranslatability and the ethics of pause» («Непереводимость и этика паузы») Л. Форан напоминает, что **непереводимость** у философов считалась проблемной концепцией в исследованиях перевода, «укоренившейся в устаревших взглядах на перевод как исходно обреченный на неудачу». Она настаивает на том, что: 1) **временная непереводимость** является **обязательным условием перевода**; 2) непереводимость предполагает **наличие как этической, так и описательной моделей для интересубъективных отношений**. Тем самым, непереводимость «не просто отсылает к текстуальной практике, но и к способам взаимоотношений людей». Автор выражает своё несогласие, с одной стороны, с позициями Рикёра и Венути, которые отвергают **непереводимое**, и тем самым теряют **нечто продуктивное**, а с другой стороны, с мнением Хайдеггера, который усматривает в **непереводимом нечто священное**. По её мнению, «мы можем рассматривать **непереводимое** как то, что превосходит наше понимание, но в то же время порождает желание понять его сущность».

Таким образом, суть её концепции заключается в том, что факт перевода не отменяет факта сохранения **непереводимости**, следствием которой является порождение двусмысленности и множественности толкования переводного текста. **Непереводимое** проявляется в те моменты, когда мы видим **Другого** — личность за пределами нашего понимания, а именно это и притягивает нас к ней. В собственном внутреннем монологе инаковость **Другого** нарушает счастливый эгоизм нашего «я». Поэтому **непереводимое** — это то, что мешает нашему поверхностному пониманию авторских текстов. **Непереводимое** вынуждает нас к паузе, в которой мы осознаём неудобную специфику текста **Другого**, что предполагает этическую необходимость адекватно реагировать на его речевую деятельность (Foran, 2023: эл. ресурс).

Заключение

Очевидно, что в англосаксонской и континентальной философии мы до сих пор не усматриваем относительно схожих основополагающих сущностных координат, способствующих более чётко-

му осмыслению философских проблем языка и перевода, которые могли бы служить надёжными научно-методологическими ориентирами в современных когнитивно-лингвистических и герменевтических исследованиях в указанных областях.

В своё время видный английский философ и филолог Джон Р. Фёрс (1890–1960) пронизательно отметил, что «Существование перевода является серьёзным вызовом лингвистической теории и философии» (Фёрс, 1978: 35).

Если лингвисты и переводчики нашли общий язык и сумели, образно говоря, освободить перевод от «пут литературоведения», включив теорию и методологию перевода в рамки науки о языке, обязанность которой, по выражению Р. Якобсона «присматривать за переводческой деятельностью» (Jakobson, 1966: 234), то философия языка пока не может поставить себе в заслугу полное адекватное освоение пространства творческой переводческой мысли.

Список литературы

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с.

Автономова Н.С. Философия языка Жака Деррида / Н.С. Автономова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 510 с.

Беньямин В. (1923). Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://wwh.nsys.by:8101/klinamen/fila10.html>. (дата обращения: 04.11.2025).

БСЭ. 3-е изд. Т. 19. Отоми-Пластырь / Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Гл. ред. А.М. Прохоров, М.: Большая Советская энциклопедия, 1975.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [пер. с нем. Л. Добропольского]. М.: Издательство АСТ, 2018. 160 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011.

Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Гадамер Х.-Г. Философия и поэзия (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://vk.com/@pppoezia-hans-georg-gadamer-filosofiya-i-poeziya> (дата обращения: 16.10.2025).

Дэвидсон Д. Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 99–120.

Кан Р. Беньямин — переводчик Бодлера и Пруста // Шарль Бодлер & Вальтер Беньямин: Политика & Поэтика: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 253–265.

Костикова О.И. Аксиология перевода в гуманитарной перспективе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 4. С. 7–46.

Куайн У. Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2000. 386 с.

Кузнецов В.Г. Герменевтика фактичности // Словарь философских терминов. М.: ИНФРА, 2007.

Лиотар Ж. Постмодерн как неуправляемое возрастание сложности (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/31485> (дата обращения: 16.10.2025).

Медведев В.И. Перевод как философская проблема // Философия и культура, 2018 (6). С. 58–67.

Микиель М. де. «Когда был Адам и Ева, кто был правый, кто был левый», или ещё раз sur le son, et sur le sens, в переводе // Наука о переводе сегодня. Перевод и смысл. Материалы международной конференции. М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ. 2009. С.180–189.

Мишуров Э.Н., Новикова М.Г. Переводимость — непереводаемость: Былое и думы... М.: Флинта, 2024. 248 с.

Мишуров Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. М.: Флинта, 2020. 300 с.

Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.

Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода, 1930. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://culturolog.ru/content/view/2972/8/> (дата обращения: 25.10.2025).

Ортега-и-Гассет Х. ТрансЕвропа, 2013 (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://transeurope.ru/vyidayushhiesy aperevodchiki-i-lin...> (дата обращения: 01.11.2025).

Павлов Е. Момент непереводаемости (заметки переводчика) / В. Беньямин. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера (1923). (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://wwh.nsysu.by:8101/klinamen/fila10.html> (дата обращения: 04.11.2012).

Палкин А.Д. Трактровка взаимосвязи языка и мышления: исторический экскурс // Вестник МИЛ. Лингвистические исследования, 2023. С. 54–65.

Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015. 512 с.

Рикёр П. Вызов и счастье перевода // Логос, 2011. № 5–6 (84). С. 148–153.

Рикёр П. Парадигма перевода, 1998. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya /riker/ paradigmata_perevoda/ (дата обращения: 24.09.2025).

Уэст Д. Континентальная философия. Введение. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 448 с.

Фёрс Дж. Р. Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 25–35.

Философия: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.

Шарль Бодлер & Вальтер Бенъямин: Политика & Поэтика: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 336 с.

Benjamin W. (1991) *Die Aufgabe des Übersetzers*. Benjamin W. *Gesammelte Schriften*. 7 Bände. Frankfurt a. Moscow. Band IV.

Jae Hyun Lee, translated by Kye Sung Lee, "Machine Translation and Benjamin: Pure Language." *Computational Culture* 10 (July 2025), available at: <http://computationalculture.net/machine-translation/> (accessed: 15.10.2025).

Jakobson R. (1966) *On Linguistic Aspects of Translation*. R.A. Broder (ed), *On Translation*. New York. 234 p.

Foran L. (2015) *An Ethics Of Discomfort: Supplementing Ricœur On Translation*. *Études Ricoeuriennes. Ricoeur Studies*, No. 6 (1), pp. 25–45.

Foran L. (2023) *Untranslatability and the ethics of pause*. *Perspectives*. Vol. 31, No. 1, pp. 44–58, available at: <https://doi.org/10.1080/0907676X.2022.2146516> (accessed: 27.10.2025).

Heidegger M. (1988) *Gesamtausgabe*, Bd. 63: *Ontologie (Hermeneutik der Faktizität)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann. 116 p.

Nida E. *Sense-for-sense translation*, 1985, available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Sense-for-sense_translation (accessed: 04.11.2025).

Nida E., Taber C. (2003) *The theory and practice of translation*, Leiden, Boston, Brill.

Rorty R. (1970) *Linguistic turn: Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago: University of Chicago Press. 393 p.

Wittgenstein L. (2009) *Philosophical investigations*. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte. Blackwell Publishing Ltd.

References

Avtonomova N.S. (2008) *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka = Cognition and Translation. Essays on the Philosophy of Language*. Moscow: ROSSPEN, 704 p. (In Russian).

Avtonomova N.S. (2011) *Filosofiya yazyka ZHaka Derrida = Philosophy of Language of Jacques Derrida*. N.S. Avtonomova. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 510 p. (In Russian).

Ben'yamin V. (1923). *Zadacha perevodchika. Predislovie k perevodu "Parizhskih kartin" Bodlera = The Translator's Task: Preface to the Translation of Baudelaire's "Paris Pictures"*, available at: <http://www.nsys.by:8101/klinamen/fila10.html>. (Accessed: 04.11.2025) (In Russian).

BSE (1975) 3-e izd. T. 19 = *Great Soviet Encyclopedia*. 3rd ed. Vol. 19 *Otomi-Plastyr' / Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya (v 30 tomah)*. Gl. red. A.M. Prohorov, Moscow: Bol'shaya Sovetskaya enciklopediya. (In Russian).

Vitgenshtejn L. (2018) *Logiko-filosofskij traktat = Tractatus Logico-Philosophicus [per. s nem. L. Dobrosel'skogo]*. Moscow: Izdatel'stvo AST, 160 p. (In Russian).

Vitgenshtejn L. (2011) *Filosofskie issledovaniya = Philosophical Investigations*. Moscow: AST: Astrel'. (In Russian).

Gadamer H.-G. (1991) Aktual'nost' prekrasnogo = he Relevance of the Beautiful. Moscow: Iskusstvo. 367 p. (In Russian).

Gadamer H.-G. (1988) Istina i metod: osnovy filosofskoj germenetiki = Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics: per. s nem. Moscow: Progress, 704 p. (In Russian).

Gadamer H.-G. Filosofiya i poeziya = Philosophy and Poetry, available at: <https://vk.com/@pppoezia-hans-georg-gadamer-filosofiya-i-poeziya> (accessed: 16.10.2025) (In Russian).

Devidson D. (1986) Istina i znachenie = Truth and Meaning. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Issue. XVIII. Logicheskij analiz estestvennogo yazyka. Moscow: Progress, pp. 99–120 (In Russian).

Kan R. (2015) Ben'yamin — perevodchik Bodlera i Prusta = Benjamin — translator of Baudelaire and Proust. Sharl' Bodler & Val'ter Ben'yamin: Politika & Poetika: Kollektivnaya monografiya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 253–265 (In Russian).

Kostikova O.I. (2024) Aksiologiya perevoda v gumanitarnoj perspektive = Axiology of translation in the humanitarian perspective. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 7–46 (In Russian).

Kuajn U. (2000) Slovo i ob'ekt = Word and Object. Moscow: Logos, Praksis, 386 p. (In Russian).

Kuznecov V.G. (2007) Germenetika faktichnosti = Hermeneutics of factuality // Slovar' filosofskih terminov. Moscow: INFRA. (In Russian).

Liotar ZH. Postmodern kak neupravlyaemoe vozrastanie slozhnosti = Postmodernism as an Uncontrollable Growth of Complexity, available at: <https://fil.wikireading.ru/31485> (accessed: 16.10.2025) (In Russian).

Medvedev V.I. (2018) Perevod kak filosofskaya problema = Translation as a philosophical problem. *Philosophy and Culture* (6). *Filosofiya i kul'tura*, (6), pp. 58–67 (In Russian).

Mikiel' M. de (2009) “Kogda byl Adam i Eva, kto byl pravyy, kto byl levyy”, ili eshchyo raz sur le son, et sur le sens, v perevode = “When Adam and Eve Were, Who Was on the Right, Who Was on the Left,” or Once Again on the Son, and on the Sens, in Translation. *Nauka o perevode segodnya*. Perevod i smysl. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. Moscow: Izd. Vysshaya shkola perevoda MGU, pp. 180–189. (In Russian).

Mishkurov E.N., Novikova M.G. (2024) Perevodimost' — neperevodimost': Byloe i dumy... = Translatability — untranslatability: Past and thoughts... Moscow: Flinta, 248 p. (In Russian).

Mishkurov E.N., Novikova M.G. (2020) Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivno-germeneticheskom osveshchenii = Theory and methodology of translation in cognitive-hermeneutic coverage. Moscow: Flinta, 300 p. (In Russian).

Novejsnij filosofskij slovar'. (2007) Postmodernizm = Postmodernism. Minsk: Sovremennyy literator, 816 p. (In Russian).

Ortega-i-Gasset H. (1930) Nishcheta i blesk perevoda = The Poverty and Splendor of Translation, available at: <https://culturolog.ru/content/view/2972/8/> (accessed: 25.10.2025) (In Russian).

Ortega-i-Gasset H. (2013) *TransEvropa*, available at: <http://transeurope.ru/vyidayushhieyaperevodchiki-i-lin...> (accessed: 01.11.2025) (In Russian).

Pavlov E. *Moment neperevodimosti (zametki perevodchika) = The Moment of Untranslatability (Translator's Notes)*. V. Ben'yamin. *Zadacha perevodchika*. Predislovie k perevodu "Parizhskih kartin" Bodlera (1923), available at: <http://wwh.nsys.by:8101/klinamen/fila10.html> (accessed: 04.11.2012) (In Russian).

Palkin A.D. (2023) *Traktovka vzaimosvyazi yazyka i myshleniya: istoricheskij ekskurs = Interpretation of the relationship between language and thinking: a historical excursion*. *Vestnik MIL. Lingvisticheskie issledovaniya*, pp. 54–65 (In Russian).

Prunch E. (2015) *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya = Paths of Development of Western Translation Studies. Ot yazykovoj asimmetrii k politicheskoy*. Per. s nem. Moscow: R. Valent. 512 p. (In Russian).

Rikyor P. (2011) *Vyzov i schast'e perevoda = The Challenge and Happiness of Translation*. *Logos*. No. 5–6 (84), pp. 148–153 (In Russian).

Rikyor P. (1998) *Paradigma perevoda = The Paradigm of Translation*, available at: http://www.odinblago.ru/filosofiya/riker/paradigma_perevoda/ (accessed: 24.09.2025) (In Russian).

Uest D. (2015) *Kontinental'naya filosofiya. Vvedenie = Continental Philosophy. Introduction*. Moscow: Izd. dom "Delo" RANHiGS, 448 p. (In Russian).

Fyors Dzh. R. (1978) *Lingvisticheskij analiz i perevod = Linguistic analysis and translation // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow, pp. 25–35. (In Russian).

Filosofiya: enciklopedicheskij slovar' (2006) = Encyclopedic Dictionary. Moscow: Gardariki. 1072 p. (In Russian).

Sharl' Bodler & Val'ter Ben'yamin: Politika & Poetika: Kollektivnaya monografiya = Charles Baudelaire & Walter Benjamin: Politics & Poetics: A Collective Monograph (2015). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p. (In Russian).

Benjamin W. (1991) *Die Aufgabe des Übersetzers*. Benjamin W. *Gesammelte Schriften*. 7 Bände. Frankfurt a. Moscow. Band IV.

Jae Hyun Lee, translated by Kye Sung Lee (July 2025), "Machine Translation and Benjamin: Pure Language". *Computational Culture* 10, available at: <http://computationalculture.net/machine-translation/> (accessed: 15.10.2025).

Jakobson R. (1966) *On Linguistic Aspects of Translation*. R.A. Broder (ed), *On Translation*. New York. 234 p.

Foran L. (2015) *An Ethics Of Discomfort: Supplementing Ricoeur On Translation // Études Ricoeuriennes. Ricoeur Studies* 6 (1), pp. 25–45.

Foran L. (2023) *Untranslatability and the ethics of pause. Perspectives*, Vol. 31, No. 1, pp. 44–58, available at: <https://doi.org/10.1080/0907676X.2022.2146516> (accessed: 27.10.2025).

Heidegger M. (1988) *Gesamtausgabe, Bd. 63: Ontologie (Hermeneutik der Faktizität)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 116 p.

Nida E. (1985) *Sense-for-sense translation*, available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Sense-for-sense_translation (accessed: 04.11.2025).

Nida E., Taber C. (2003) *The theory and practice of translation*, Leiden, Boston, Brill.

Rorty R. (1970) *Linguistic turn: Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago: University of Chicago Press. 393 p.

Wittgenstein L. (2009) *Philosophical investigations*. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte. Blackwell Publishing Ltd.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мишкuroв Эдуард Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; axmed1232@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Eduard N. Mishkurov — Dr. Sc. (Philology), Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education; Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskie gory, 1, Moscow 119991, Russia; axmed1232@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.